

Этот храп доносился из комнаты напротив умывальной. Каждый день, пока Цзян Дун умывался, этот студент, храпящий как разъярённый бык, неизменно издавал эти звуки. Цзян Дун чистил зубы под ритм храпа, уделяя этому ровно три минуты, затем умывался, движения его рук тоже были ритмичными.

— Чёрт, он всегда так делает?

Ван Пэн, который впервые встал так рано, не выдержал и, держа зубную щётку, с раздражением произнёс, с пеной во рту, разговаривая и брызгая.

Цзян Дун молча кивнул, бесстрастно глядя на своё отражение в зеркале, набрал воды в рот и начал полоскать.

— Никто не скажет ему? Его соседи по комнате могут спать? — Ван Пэн рассмеялся, снова вставил зубную щётку в рот и, видимо, не выдержав, быстро почистил зубы, чтобы поскорее закончить.

Цзян Дун, привыкший к громкому храпу, спокойно наклонился и начал умываться, но на этот раз заговорил:

— Его соседи уже давно проснулись, сейчас, наверное, завтракают в столовой.

Ван Пэн, держа стакан с водой, замер, оглянулся на Цзян Дуна, открыл рот, но так и не смог ничего сказать.

Они вернулись после умывания, и Сюй Фэй с Чэнь Чжэньюем уже спускались с кровати.

Сюй Фэй первым услышал их, остановился на лестнице, всё ещё держась за неё. Он жил с Цзян Дуном на одной стороне, и когда Цзян Дун спускался, кровать шевелилась, он это помнил. Но больше всего его удивил Ван Пэн.

— Я ослеп?

Чэнь Чжэньюй тоже посмотрел на него:

— Ослеп.

Ван Пэн ухмыльнулся:

— Испугались, да?

— Круто, — Чэнь Чжэньюй поднял большой палец. — Теперь я чувствую конкуренцию. Возможно, я больше не буду вторым, кто просыпается в 201.

Сюй Фэй замер, затем внезапно хрипло вскрикнул, испугавшись собственного голоса, и потрогал горло:

— У меня что, второй период мутации голоса начался?.. Теперь я последний, кто просыпается?

— Это от сухости, вчера кондиционер был слишком высоко, я всю ночь сбрасывал одеяло, сегодня не ставь так высоко, — Чэнь Чжэньюй взял свою термкружку, открыл её и сделал глоток, чтобы смочить горло. — У Ван Пэна появился стимул, теперь он на уровне Дунцзы. Видимо, скоро он станет первым в классе.

— Отвали, — Ван Пэн пнул его ногой, не обращая внимания на их подшучивания. — Если я не могу сравниться с вами в учебе, то хотя бы могу проснуться раньше? Должен же у меня быть какой-то повод для гордости?

Цзян Дун сидел на стуле, собирая рюкзак. Их комната была устроена так, что кровати находились наверху, а столы внизу. В комнате жили четверо, отопления не было, но был кондиционер. На этаже было тридцать комнат, в левой части коридора жили такие же студенты, как они, которые ходили на занятия, а в правой — спортсмены, и все пользовались одной умывальной.

Цзян Дун быстро собрал рюкзак, бросил туда две ручки и, не раздумывая, выбрал из двух пуховиков в шкафу короткий, достигающий до талии, затем повернулся к Ван Пэну:

— Ты завтракаешь?

— Конечно! — Ван Пэн резко обернулся. — Я вообще-то голодный, иначе бы не встал.

Затем он повернулся к Сюй Фэйю и Чэнь Чжэньюю:

— Не расстраивайтесь, карта «раннего пташки» всё ещё ваша.

Сюй Фэй:

— Чёрт.

Чэнь Чжэньюй:

— Чёрт.

Утренний кампус был тихим.

Хотя звонок на подъём уже прозвенел, в общежитии всё ещё было пусто, и только лёгкий шорох или длинные вздохи, доносящиеся из комнат, напоминали о том, что здесь кто-то живёт.

Цзян Дун и Ван Пэн шли бок о бок к столовой, почти не разговаривая, пока не подошли к входу, где увидели нескольких человек, выходящих из двери. Цзян Дун тихо сказал:

— Это они.

Ван Пэн поднял бровь, сразу поняв:

— Из комнаты с храпуном?

Тёмные круги под глазами были настолько сильными, что казалось, будто они скоро умрут.

Хотя оба класса были второкурсниками, они не были знакомы. Даже если бы они знали друг друга, Цзян Дун не стал бы первым здороваться, а Ван Пэн, который проводил всё свободное время в интернет-кафе, вообще не видел этих людей, что избавило их от неловкости при встрече.

Столовая школы при университете открывалась рано, с 5:30 утра до 19:00. Основные блюда подавались только во время еды, но другие блюда и закуски готовились на заказ, и они были довольно вкусными. В прошлом году в городе Ань проводился конкурс на лучшую столовую, и все университеты со столовыми могли голосовать. Результаты были справедливы: кроме Университета Ань, столовая школы при университете была второй по вкусу.

Университет Ань — первое место, школа при университете — второе.

Заслуженно.

— Что будешь есть?

Двое стояли перед окном с основными блюдами, и Ван Пэн похлопал Цзян Дуна по плечу:

— Что посоветуешь?

Ван Пэн любил поспать, и с первого курса до сегодняшнего дня он почти никогда не завтракал в столовой. Если бы он не проснулся от голода, то всё ещё бы лежал в кровати.

— Жоцзямо, — коротко ответил Цзян Дун, затем взглянул на тётю за окном, которая уже

некоторое время наблюдала за ними, и кивнул.

Тётя замерла, восхищаясь сдержанностью этого парня, взяла пластиковый поднос, положила туда жоцзямо и набрала сумму на кассе:

— Три юаня.

Цзян Дун приложил карту, затем снова взял её в руку.

— Тётя, пожалуйста, дайте мне тоже жоцзямо, — сказал Ван Пэн, затем повернулся. — А что пить?

Цзян Дун, дождавшись, пока он расплатится, подошёл к другому окну, указал на один из контейнеров с супом и сказал продавцу:

— Бульон с требухой.

Ван Пэн удивился:

— Мясоед, да?

Цзян Дун бросил на него косой взгляд, но Ван Пэн не унимался:

— Я думал, ты только в обед и ужин ешь мясо, а тут уже с утра начинаешь? Не жирно?.. Дядя, мне тоже бульон с требухой, слишком жирно.

Позавтракав, они неспешно пошли в класс. Уже пришло много учеников, даже Сюй Фэй и Чэнь Чжэньюй были на местах, сидели, уставившись в потолок, что-то бормоча, видимо, повторяя текст.

Цзян Дун и Ван Пэн сели позади них, и у Ван Пэна уже начал просыпаться инстинкт выживания. Он пнул стул Сюй Фэя:

— Эй, что повторяешь?

Сюй Фэй откинулся назад:

— Уже поздно сожалеть о прошлом, но можно исправить будущее, скоро будет проверочная, мы ещё не слишком далеко зашли, но уже поняли, что вчера было неправильно...

Затем снова облокотился на спинку стула, погружённый в свои мысли.

— О, «Возвращение домой»... Прошли годы, пустошь сменилась холодом и жарой, а красота увяла...

— Заткнись. — Цзян Дун бросил на него взгляд и тоже начал повторять текст про себя, одновременно доставая вещи из рюкзака, легко справляясь с двумя делами одновременно.

Ван Пэн не успел допеть песню, как он уже повторил текст дважды.

Ван Пэн пел некоторое время, затем решил, что на этот раз лучше оставить себя в покое, и начал писать шпаргалки на столе автоматическим карандашом. Чэнь Чжэньюй, закончив повторять, обернулся, чтобы поболтать с ним, но, увидев, что он занят, ухмыльнулся:

— Что ты делаешь, позоришь школу.

— Не болтай лишнего, — нахмурился Ван Пэн, продолжая писать мелким почерком. — Не мешай отличникам повторять, если сам не хочешь учиться.

— Эй, какой ты наглый. — Чэнь Чжэньюй повернулся обратно. — У Дунцзы всё под контролем, его никто не отвлечёт.

Он говорил тихо, но Цзян Дун всё равно услышал, сначала замер, затем улыбнулся и сжал ручку.

Утром было четыре урока: два по китайскому и два по математике, и они пролетели незаметно.

Они были второкурсниками, и после Рождества оставалось меньше месяца до зимних каникул. С начала второго курса классный руководитель каждый день напоминал им, что они должны усердно учиться, ведь вся их жизнь зависит от гаокао в следующем году. Тяжело сейчас — легко потом. Эти слова каждый день звучали в ушах учеников, и даже у Цзян Дуна, который, если только не пропускал экзамены, всегда был первым в классе, появилось чувство тревоги.

Ещё немного, ещё одно усилие, и всё закончится.

Никто больше не сможет тебя контролировать.

Ты сможешь летать.

Скоро...

Но действительно ли всё закончится?

Цзян Дун, взглянув на затылок, понял, что человек, стоящий в очереди у окна с закусками, был братом Чэн... Чэн Да.

Невероятно.

Как Чэн Да мог оказаться в школе при университете? Это шутка?

<http://bllate.org/book/15499/1374834>